

Статус бессмертного связан с обретением adeptом чудесных способностей. В языковой практике они, как правило, подчеркивают трудность или невозможность исполнить то или иное дело. Приведем лишь несколько примеров: «Трижды “не знаю” на один вопрос не под силу излечить даже бессмертному» (一问三不知, 神仙没法治) — быть полным профаном; «Трое молчат, бессмертный бессилен» (三个不开口, 神仙难下手) — молчание, оберегающее тайну; выражение «Бессмертному трудно определить цену тутового листа» (仙人难断叶价) используется в торговле, когда хотят подчеркнуть быстрое изменение рыночных цен на товары.

Подводя итог, следует подчеркнуть то, что фразеология не просто сохраняет исторические реалии давно минувших эпох, но и актуализирует их в повседневной жизни современного человека. В силу сказанного, изучение ее фондов в культурологическом аспекте имеет особую ценность, способствуя установлению плодотворного диалога между народами.

Н. А. Завьялова

Уральский федеральный университет

Китайские фразеологические единицы с компонентом «числительное» как составляющая дискурса повседневности Китая*

В рамках нашего исследования мы рассматриваем дискурс повседневности Китая с позиции фразеологии. Фразеологизмы, являясь обязательной составляющей духовной памяти народа, ретранслируются, воспроизводятся из поколения в поколение и обеспечивают связь времен. В современном китайском языке фразеологизмы активно используются, нередко выполняя при этом резюмирующую или констатирующую функцию, подводя тем самым итог событий повседневности. Дискурс

---

* Работа подготовлена в рамках госконтракта № 14.740.11.0224 «Актуализация социально-гуманитарных исследований повседневности в процессе преподавания базовых гуманитарных дисциплин в техническом вузе».

повседневности является открытым, он способен подвергаться переформатированию. Однако содержание понятия «дискурс» не является установившимся в современной лингвистике. П. Серио приводит восемь различных определений дискурса:

1. Понятие, эквивалентное понятию «речь» в определении Ф. де Соссюра, «любое конкретное высказывание».

2. Высказывание, которое по объему превышает фразу, предмет исследования «грамматики текста».

3. Дискурс как объект изучения прагматики с позиции анализа воздействия высказывания на его получателя (при этом изучаются субъект высказывания, адресат, момент и определенное место высказывания).

4. Дискурс как «беседа» в качестве основного типа высказывания.

5. Дискурс по Бенвенисту — речь, порождаемая говорящим и противопоставляемая «повествованию», «которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания»¹.

6. Член оппозиции *язык и дискурс*. Элемент исследуется как единица языка и единица речи (дискурса).

7. Дискурс как система ограничений высказываний, обусловленная социально или идеологически («феминистский дискурс»).

8. Исследование текста с позиции условий его производства.

П. Серио делает вывод о том, что «понятие дискурса открывает трудный путь между чисто лингвистическим подходом, который основывается на признанном забвении истории, и подходом, который растворяет язык в идеологии»².

Возвращаясь к вопросу об определении объема содержания понятия «дискурс повседневности», следует сказать, что в рамках данного исследования отраженная во фразеологии повседневность — дискурс, наполненный культурно-языковыми значениями, описывающими реальность из будничных событий, данный дискурс воспринимается как нечто привычное и в достаточной мере устойчивое. При этом мы исходим из широкого понимания понятия дискурса как языкового континиума («речь» по Ф. де Соссюру), а «дискурс-анализ» трактуется нами вслед за М. Л. Макаровым как «интегральная сфера изучения языкового

¹ Серио П. Анализ дискурса во Французской школе [Дискурс и интердискурс] // Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Екатеринбург, 2001. С. 550.

² Там же. С. 551.

общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социальной-культурной обусловленности»³.

Смежное понятие с понятием «дискурс повседневности» предлагает современная культурология, в которой принято говорить о **культуре повседневности**. «Культуру повседневности можно понимать как универсальный способ человеческого существования, имеющего свои пространственно-временные границы, как форму организации повседневной жизни и деятельности человека... Повседневная культура человека проявляется через особенности его деятельности, сознания и поведения, а также через вещи, предметы, произведения искусства и художественного ремесла, окружающие его, орудия его труда, языковые особенности речи, характеризующие этого человека или группу людей, общество в целом. Повседневная культура — это важнейшее условие человеческой жизнедеятельности, это организация человеческих взаимоотношений, их институализация»⁴. Однако, оперируя лингвистическими категориями, мы считаем, что для анализа фразеологических единиц все же более продуктивной представляется их репрезентация в рамках дискурсивного исследования.

Повседневная культура — система связей между людьми, вещами, животными в границах повседневной жизни. Эти связи общественно и исторически детерминированы, и они находят отражение во внутреннем мире людей, в их поведении.

Повседневность противопоставляется редкому, существенному, идеальному, теоретическому, метафизическому. В современной теории познания повседневность рассматривается не просто как предмет исследования, поле приложения эпистемологической техники, а как основание познания.

Структуры повседневности нередко считаются самоочевидными и не привлекающими особого внимания в силу своего постоянства. Однако именно повседневность лежит в основе базовых фундаментальных структур демографического, этнического, национального и культурного порядков. Изучение повседневности позволяет вскрыть основополагающие принципы функционирования этноса, нации, культуры, цивилизации.

---

³ Макарова М. Л. Основы теории дискурса : монография. М, 2003.

⁴ Георгиева Т. С. Культура повседневности : учеб. пособие для вузов : в 3 кн. М., 2005. Кн. 1. Частная жизнь и быт древних обществ. С. 17–18.

Анализ китайских фразеологизмов с компонентом «числительное» позволил выявить следующие особенности. Самыми популярными являются числительные «восемь» (八) и «сто» (百)⁵. Например:

八面玲珑 — bā miàn líng long (хороший собеседник, балагур);

八面威风 — bā miàn wēi fēng (сильный, мощный, влиятельный);

才高八斗 — cái gāo bā dòu (человек со множеством талантов);

百端待举 — bǎi duān dài jǔ (много работы);

百发百中 — bǎi fā bǎi zhòng (искусный стрелок);

百感交集 — bǎi gǎn jiāo jí (быть охваченным множеством чувств);

百里挑一 — bǎi lǐ tiāo yī (уникальный, единственный в своем роде);

百年大计 — bǎi nián dà jì (план на многие годы);

百思不解 — bǎi sī bù jiě (сложный для понимания);

百无聊赖 — bǎi wú liáo lài (скучный, нудный, надоедливый);

百无一失 — bǎi wú yī shī (полная уверенность);

百依百顺 — bǎi yī bǎi shùn (послушание);

百战百胜 — bǎi zhàn bǎi shèng (непобедимый);

百折不挠 — bǎi zhé bù náo (упорный);

百足之虫，死而不僵 — bǎi zú zhī chóng, sǐ ér bù jiāng (старые косные институты сложно изменить).

Нередко числительное «сто» (百) выступает в значении «все», «каждый» или обозначает наивысшую степень проявления чего-либо.

Во многих фразеологизмах встречаем отрицание bù «не», нередко парное, создающее эффект ритмизации:

不管三七二十一 — bù guǎn sān qī èr shí yī (не задумываться о последствиях);

不三不四 — bù sān bù sì (неопределенный, двойственный);

不一而足 — bù yī ér zú (заурядный, обычный);

赤地千里 — chì dì qiān lǐ (брошенная земля).

Другой особенностью китайских фразеологизмов является использование иероглифа 半 — bàn (половина):

半路出家 — bàn lù chū jiā (поздно прийти в профессию без должного образования);

半死不活 — bàn sǐ bù huó (едва живой);

半推半就 — bàn tuī bàn jiù (неохотно согласиться);

半信半疑 — bàn xìn bàn yí (сомневаться, полностью не верить).

⁵ 汉英双解成语词典. A Dictionary of Chinese Idioms With English Translation. — Qing Chang, Isabel Smay. — 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2005.

Можно сделать вывод о том, что китайский язык кодирует многочисленные участки повседневности при помощи числовых выражений. Данное наблюдение можно интерпретировать как национальную черту китайцев, стремящихся узнать точное положение вещей, выразив его числовым эквивалентом.

А. И. Кобзев

Институт востоковедения РАН

Китайская мистика

В Китае мистика, естественным образом продуцируясь коррелятивным мышлением по принципу резонансного «единения родов» (тун-лэй 同类) и его нумерологической (сян-шу-чжи-сюэ 象数之学) рационализацией по методологии «И цзина», является важным компонентом всех главных религиозно-философских учений — конфуцианства, даосизма и буддизма, а также архаических и локальных культов, обобщенно именуемых народной или синкретической религией.

Конфуцианство, ассимилировав древние верования и ритуалы (ли 礼), культ предков и мантико-астрологическую традицию, представления о небесном предопределении (тянь-мин 天命) и благодати (дэ 德), божественной духовности (шэнь 神) и святомудрии (шэн 圣), при обретении статуса официальной идеологии в эпоху Хань, особенно благодаря усилиям Дун Чжун-пу (II в. до н. э.), мистифицировало понимание социума как находящегося в непосредственной зависимости от загробного сонма предков, правящей династии как единого тела и императора как «сына Неба» (тянь-цзы 天子), являющегося сакральным медиатором между Небом и Поднебесной. Мистические воспарения и озарения, основанные на осмыслении индивидуального «сердца» (синь 心) в качестве духовного центра мироздания («искусство/технология сердца» — синь-шу 心术, «учение о сердце» — синь-сюэ 心学), диалектически виделись высшими результатами двух противоположных путей — длительного этико-ритуального самосовершенствования и мгновенного экстатического просветления, обусловленного «совпадающим единством Неба